

ся, что некоторое уточнение этой карты было бы желательно произвести путем нанесения на нее незаселенных районов. Это можно сделать, использовав землеустроительные карты, составленные в 1940—50-х годах. По-видимому, в XVII в. в Сибири было много неудобных земель. На одну такую область указал автор — это верховья Алдана, Амги и район между верховьем Амги и Леной. Однако на современных землеустроительных картах больше участков, непригодных для промыслового хозяйства и скотоводства. В целом же (это хочется особенно подчеркнуть), карта родоплеменного состава Сибири в XVII в. — большая удача автора.

Одним из важных результатов работы является также установление весьма своеобразной родоплеменной структуры у ряда народов Сибири, не совпадающей с нашими привычными представлениями на этот счет. Работа в этой области должна быть продолжена. Можно думать, что изучение ранних метрических книг, посемейных списков и ревизских сказок даст возможность более определенно обрисовать особенности родоплеменной структуры многих народов Сибири. Следует также отметить, что автору удалось не только конкретизировать наши общие представления о родоплеменном строе народов Сибири, но и хорошо показать, что этот строй не представлял собой чего-то неизменного. Судьба отдельных родоплеменных групп, прослеженная в книге, еще раз показывает, насколько сложной и своеобразной была история народов Сибири за последние три столетия. К сожалению, не все сопоставления группировок коренного населения XVII в. с группировками XIX в. обоснованы достаточно убедительно. В ряде случаев автор, видимо, стесненный размерами книги, просто указывал, какие старые группировки влились в новые. Тема о связи старых группировок, выявленных автором, с современными может, конечно, быть предметом особого исследования.

Нельзя не выразить также сожаления, что в такой фундаментальной и объемистой работе отсутствуют указатели. Географический и именной указатель были бы весьма полезны читателю. Следует отметить, что на итоговой карте расселения этнических групп и племен народов Сибири в XVII в. отсутствуют границы уездов. Это очень затрудняет пользование картой, так как материал в книге скомпонован не по народам, а по уездам.

При бесспорных достоинствах книги тем досаднее опечатки, к тому же не указанные в списке замеченных. Так, на стр. 129 таблица с перечнем источников из примечаний попала в текст; в таблице 114 (стр. 351) по вине типографии смещены колонки: даты года учета следует опустить на одну строку, а цифры численности населения поднять. В таблице 166 (стр. 492), показывающей численность плательщиков ясака на Алдане, Мае, Уде, Тугуре и Охотском море за 1656 г., следует переставить заголовки граф «уплачено» и «явилось». В таблице 138 (стр. 537) в графах численности плательщиков ясака приведена общая численность родов охотских тунгусов.

На стр. 60 упоминается волость Супра, входившая в Тобольский уезд, а на карте ее нет. На стр. 618, очевидно, в результате какого-то пропуска, утверждается, что южные кеты и саянские самоеды слились с якутами, чего, конечно, не могло быть. Много и буквенных опечаток.

Общая оценка рецензируемой книги должна быть очень высока. Работа «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке» является одним из наиболее значительных вкладов в изучение истории и этнографии Сибири за последние десятилетия.

И. Гурвич

Ученые записки [Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадаса], т. 6, Махачкала, 1959, 368 стр.

Рецензируемая книга состоит из вводной статьи и трех разделов. Первый раздел — «История» (стр. 41—163) содержит шесть статей по отдельным вопросам истории и культурного строительства в Дагестане; второй — «Археология и этнография» (стр. 163—275) включает две статьи по археологии и искусствоведению и три по этнографии и, наконец, три статьи третьего раздела — «Языкознание» (стр. 275—368) посвящены исключительно вопросам языкознания.

В настоящей рецензии основное внимание обращено на этнографические статьи; остальные затрагиваются в той мере, в какой они представляют интерес для этнографа.

Сборник открывается вводной статьей Г.-А. Д. Даниялова «Рост кадров — решающее звено в развитии научно-исследовательской деятельности Института». Знакома читателя с основной проблематикой Института и давая характеристику работы отдельных секторов, автор отмечает многообразную помощь, оказываемую Институту истории, языка и литературы различными научными учреждениями и отдельными ведущими учеными. К сожалению, Г. А. Д. Даниялов не упоминает о той большой роли, которую сыграли институты Отделения исторических наук АН СССР, в том числе Институт

этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, в деле подготовки научных кадров из числа коренных жителей Дагестана через свою аспирантуру. Между тем помощь, оказанная Дагестанскому филиалу АН СССР в подготовке научных работников гуманитарного профиля, была весьма значительной. Достаточно сказать, что из шести этнографов (С. Агаширинова, А. Алиев, С. Гаджиева, М. Ихтилов, Х.-М. Хашаев, М.-З. Османов), работающих в Дагестане, только один не прошел специальной подготовки в Институте этнографии. В Дагестане много лет работали экспедиции Института этнографии АН СССР под руководством Е. М. Шиллинга, В. К. Гарданова, Л. И. Лаврова по изучению культуры и быта народов Дагестана, участники которых опубликовали ряд работ. Особо следует отметить ценность монографии о кубачинцах Е. М. Шиллинга. Результатом сотрудничества работников Института этнографии и Дагестанского филиала АН СССР является изданный в 1955 г. сборник «Народы Дагестана». Можно было бы назвать и ряд других научных работ, выполненных сотрудниками Института этнографии и местными научными силами.

Большой интерес представляет статья А. Р. Шихсаидова «Распространение ислама в южном Дагестане в X—XV вв.». Она построена на новых материалах, главным образом — арабских надписях, значительная часть которых найдена у рутульцев, цахур, лезгин и лакцев и переведена самим автором. А. Р. Шихсаидов вскрывает причины, которые благоприятствовали проникновению и утверждению ислама в южном Дагестане. С одной стороны, это успехи хозяйственного развития народов Дагестана, усиление социального и имущественного неравенства и в связи с этим необходимость в монотеистической религии как идеологическом оружии в руках феодалов, с другой — рост торговых и культурных связей с мусульманским Востоком, политика завоеваний, проповедническая деятельность и т. п.

Касаясь вопроса о проводниках идей ислама, автор характеризует деятельность арабов, сельджуков, монголов и Тимура по распространению новой религии. В связи с этим заслуживает серьезного внимания высказывание автора относительно мирной исламизации южного Дагестана арабами в X—XV вв.: «Проникновение арабских элементов на Кавказ, в том числе и Дагестан, имело место и позже (т. е. после VII—IX вв.— Г. С.) и связано не с завоеванием, а мирным переселением или проповеднической деятельностью отдельных лиц» (стр. 159). В подтверждение этого положения приведен ряд убедительных фактов. В целом выводы автора интересны и новы. Жаль, что в статье нет ни фото, ни прорисовок надписей, поэтому читателю приходится принимать их содержание на веру. Кроме того, допущены досадные ошибки при переводе годов хиджры на наше летоисчисление.

В статье Р. Г. Маршаева «О термине „шамхал“ и резиденции шамхалов» предлагается новое толкование термина «шамхал». В противовес существующему в исторической литературе мнению о возникновении этого термина в период татаро-монгольского завоевания автор, на основании анализа местных легенд и преданий, а также разных документов связывает его происхождение с пребыванием в Кумухе арабов. Возникновение этого термина Р. Г. Маршаев относит к периоду сельджукских завоеваний, в которых приняли участие и проповедники ислама из Сирии. По вопросу об этимологии самого термина «шамхал» автор высказывает следующие соображения: «Термин „шамхал“ произошел от соединения двух слов: „шам“ у лаков означает Сирия, а „хул“, „хьал“, „хал“ — окончание слова. По законам словообразования лакского языка аффикс „хьал“ является показателем принадлежности лица к определенному роду, племени и месту... „Шамхал“ в буквальном переводе с лакского языка значит „выходец из Шама (Сирии)“» (стр. 168). Насколько верно предлагаемое Р. Г. Маршаевым толкование термина «шамхал», — судить трудно, но сама постановка вопроса представляет научный интерес.

Вторая часть статьи построена на доказательствах того, что шамхалы имели резиденцию не в Тарках, а в Кумухе. Это вызывает недоумение, так как и сам автор признает, что вопрос о центре шамхальства до XVII в. уже был решен до него¹. Литературные и архивные материалы, приводимые в данном разделе, еще раз подтверждают правильность выводов, сделанных Л. И. Лавровым на основании расшифровки и изучения надгробных памятников шамхалов, обнаруженных им в Кумухе.

В статье Д. Атаева «Галлинский могильник — памятник средневековой Аварии (Семира)» делается предварительная попытка хронологической классификации средневековых памятников Аварии, выявленных и раскопанных автором в течение последних лет. Средневековый период Д. Атаев делит на три этапа: V—VII, VIII—X, XI—XIII вв. Эта схема в основном приемлема и соответствует хронологическим членениям средневековой истории Кавказа. Несмотря на то, что в рассматриваемых памятниках не были обнаружены монеты, необходимые для твердых датировок, автору удалось выделить руководящие формы материальной культуры, которые Д. Атаев справедливо считает эталонами, позволяющими датировать те или иные погребальные комплексы. Вводимый в научный оборот материал показывает последовательность развития материальной культуры Аварии на протяжении всего средневековья.

¹ Л. И. Лавров, Некоторые итоги работы Дагестанской экспедиции 1950—1952 гг. «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XIX, 1953; его же, Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции, «Сборник Музея антропологии и этнографии». т. XVII, стр. 378—384.

Следует особо отметить наблюдения автора относительно изменения погребальных сооружений и погребального обряда, которые к концу XIV в. принимают единую форму. За этими изменениями Д. Атаев видит явления этнического порядка, т. е. определенный этап в консолидации аварского народа. Это явление, по мнению автора, можно поставить в связь с проникновением элементов монотеистических религий (христианства и ислама) в местную среду. С этой интерпретацией можно вполне согласиться. Иллюстративный материал дает представление о планах отдельных погребений и инвентаря. К сожалению, для подтверждения столь серьезных выводов он слишком скуден. Надо пожелать, чтобы в дальнейшем раскопки ценного многослойного памятника — Галлинского могильника — производились в более широких масштабах, что, несомненно, позволит установить хронологическую шкалу и археологическую периодизацию средневековых памятников Аварии.

Статья П. М. Дебирова «О художественных образах в народно-декоративном искусстве аварцев» основана на полевом материале, собранном автором в пятидесяти селениях Кахибского и Гунибского районов Дагестанской АССР летом 1958 г. Она посвящена описанию отдельных памятников петрографии Аварии. Работа насыщена новыми фактами, с которыми автор обращается с большим знанием и умением. П. М. Дебиров проводит хронологическую классификацию памятников искусства резьбы по камню: эпоха язычества, эпоха христианства и эпоха мусульманства. Особенно интересна та часть работы, где раскрывается содержание композиций и сюжетов резьбы на камнях эпохи язычества. Можно спорить по поводу трактовки того или иного памятника, но общие принципы расшифровки представляются нам правильными. Материалы по народно-декоративному искусству аварцев, изложенные в данной статье, интересны не только искусствоведам, но и этнографам, и историкам.

Статья С. С. Агашириновой «Поселения лезгин в XIX — начале XX в.» — небольшое, но ценное исследование. Насколько нам известно, специальных работ, посвященных характеристике поселений лезгин, до настоящего времени не было. Статья написана в основном на полевом материале, собранном автором у дагестанских и азербайджанских лезгин. В статье содержатся сведения о расселении лезгин в районах Дагестанской АССР и Азербайджанской ССР, а также краткая справка о местных природно-географических условиях, наложивших определенный отпечаток на характер поселений. Выявляя особенности возникновения и развития поселений лезгин, С. С. Агаширинова на фактическом материале доказывает культурное и этническое единство лезгинской народности.

Автор делает попытку классифицировать типы поселений и выявить причины возникновения этих типов.

С. С. Агаширинова выделяет три типа поселений: «хуър» — селение, основной и наиболее распространенный тип поселения; «казмаляр» — отселок, образованный на местах временных зимних или летних пастбищ выходцами из основного селения; «оба» — вид отселка, основатели которого были пришельцами из различных селений. «Оба» бытовал лишь на равнине в бывших Кубинском и Кюринском ханствах. Существование «оба» как самостоятельного типа поселения ставится под сомнение многими авторами, которые большей частью отождествляют его с казмаляр. Выдвигаемое С. С. Агашириновой положение о том, что «оба» и «казмаляр» — два разных типа поселения, безусловно, заслуживает внимания, но нуждается в дополнительной аргументации, тем более, что привлекаемый ею материал весьма незначителен. Отмечая длительный путь исторического развития лезгинских селений от небольшого родового до современных крупных, С. С. Агаширинова убедительно показывает, что лезгинские селения в горах существовали с глубокой древности, причем наиболее древние из них были расположены в высокогорной зоне. Об этом свидетельствуют археологические и эпиграфические находки, народные предания и легенды. Вполне допустимо предположение автора, что впоследствии часть дагестанских лезгин переселилась в предгорную и плоскостную зону, где ныне живут кубинские лезгини. Этому в значительной степени способствовали благоприятные климатические условия Азербайджана. С. С. Агаширинова отмечает зависимость планировки поселений от рельефа местности. Если селения горных районов, основанные в глубокой древности, располагались обычно на крутых склонах гор и представляли собой крепости, защищавшие лезгин от нашествия врагов, то селения предгорной зоны, процесс образования которых особенно интенсивно шел с конца XVIII в., располагались более свободно, без тесноты и скученности построек.

Нельзя не согласиться с автором, что при заселении горных районов учитывалось стратегически-выгодное положение для обороны от врагов. Однако не следует забывать и существовавшего острого малоземелья в горах. Очевидно, что при выборе места поселения лезгин не могли не руководствоваться желанием сохранить под пашню все более или менее пригодные для этого земли. Поэтому под строительство жилищ не только у лезгин, но и у аварцев, лакцев и других народов Дагестана, как правило, отводились неудобные для земледелия места — горные уступы, скалы, холмы и др.

В рецензируемой работе прослеживается связь типа поселения с общественно-экономическим строем. Автор отмечает, что развитие феодальных отношений постепенно привело к исчезновению тухумного принципа расселения по кварталам. В большинстве селений отдельные кварталы стали населяться представителями различных родовых групп, но родовые связи продолжали еще играть в жизни лезгин значительную роль. Проникновение капиталистических отношений внесло ряд изменений в планировку селе-

ний, в формы жилища. Отмечая существенные изменения, внесенные в быт лезгинского народа в советский период социалистическим строительством, С. С. Агаширинова дает описание современного облика горных селений, а также аулов, возникших в результате переселения части жителей из высокогорных мест на равнину.

Статья С. Ш. Гаджиевой «Брак и свадебные обряды кумыков в XIX — начале XX в.» заполняет существующий в литературе пробел по этим вопросам. Хотя сведения по свадебным обрядам и обычаям народов Дагестана довольно обширны, однако они большей частью вкраплены в этнографические работы с другой тематикой и отрывочны. Специальных этнографических исследований чрезвычайно мало. Тем большее значение имеет рецензируемая работа.

С глубоким знанием дела С. Ш. Гаджиева дает чрезвычайно подробное описание всех сторон свадебного цикла, знакомит читателя с нормами брачных отношений и формами брака, существовавшими у кумыков в рассматриваемый ею период.

Большое место в свадебных торжествах, в которых принимали участие все односельчане, отводилось танцам, песням, выступлениям певцов-профессионалов, исполнявших главным образом богатирские песни. Не ограничиваясь литературными источниками, С. Ш. Гаджиева привлекает новые материалы по кумыкскому фольклору, особенно песенному творчеству, рассказы современников-очевидцев. В этом бесспорная заслуга автора.

Следует остановиться и на отдельных недочетах этой в целом весьма ценной работы. В начале статьи С. Ш. Гаджиева указывает на наличие в литературе по кумыкам серьезных методологических и фактических ошибок, но, к сожалению, существа этих ошибок не раскрывает.

Основная задача статьи, как мы узнаем из вводного раздела, состоит в том, чтобы проанализировать брак и свадебные обряды кумыков в XIX — начале XX в. Однако знакомство с работой показывает, что автор порою уделяет много внимания эмпирическому описанию свадебных обрядов и обычаев, без достаточного их анализа и обобщения. Так, остались не раскрытыми причины существования в прошлом помолвки и сватовства малолетних детей (стр. 252), обычаев «избегания» и других запретов, которые соблюдали девушки-невесты и молодые женщины (стр. 256) и др. Говоря о способах заключения брака, автор отмечает два вида умыкания: похищение девушки без ее согласия, насильственным путем, и похищение по добровольному согласию. Во втором случае, по мнению автора, это давало возможность девушке вступить в брак по своему выбору. Автору следовало бы сказать и об экономических причинах, часто обуславливавших умыкание. В ряде случаев именно экономическая несостоятельность семьи жениха, не дававшая ему возможности внести определенную сумму калыма, заставляла его прибегнуть к умыканию.

Описанию небольшой части рутульцев (около 400 чел.), проживающих в селении Хнов — одном из отдаленных и труднодоступных пунктов Ахтынского района Дагестанской АССР, — посвящена статья М. М. Ихилова «Хновцы». Этнографические сведения, приведенные в статье, собраны автором во время поездки летом 1957 г. Ценность данной работы заключается в том, что в научный оборот вводится прежде не известный материал по хозяйству, быту и культуре хновцев.

Историческая часть статьи не представляет особого интереса, так как большинство материалов, приведенных в ней, уже известны по опубликованной работе Л. И. Лаврова «Рутульцы»².

Вызывает серьезные сомнения датировка надгробной плиты шейха Магомеда ибн-Асада VII веком. Самыми ранними памятниками мусульманской культуры на северной стороне Кавказского хребта считаются памятники X в. Как сообщает М. М. Ихилев, плита шейха была им обнаружена в селении Хнов; текст был скопирован автором от руки с помощью местного жителя. Ни фотоснимка, ни эстампажа с памятника сделать не удалось. Поэтому нам думается, что вопрос о датировке данного памятника нуждается еще в проверке и уточнении. Тем более, что стиль надписи характерен для поздних памятников этого рода, а пропуск в дате тысячи — довольно частое явление в этнографических памятниках. Этнографический раздел статьи более содержателен. М. М. Ихилев с большим знанием дела описывает хозяйство, быт и культуру хновцев до Октябрьской революции, приводит сведения, касающиеся их современного хозяйственного и культурного развития. Показывая коренные изменения, происшедшие в материальной культуре, семейном быту, обрядах и обычаях хновцев в советский период, автор указывает и на отдельные вредные пережитки прошлого, еще имеющие место среди отсталой части населения (выдача замуж дочерей без их согласия, выкуп за невесту и пр.). Надо отметить небрежность некоторых формулировок. Вряд ли правильно, например, утверждение М. М. Ихилова, что с вхождением Дагестана в состав России в жилище хновцев появилась русская печь. Насколько нам известно, нигде на Кавказе (в частности в Дагестане) — нет русской печи. Если она встречается в селении Хнов, надо было ее описать. Скорее же всего автор имеет в виду железную печь или плиту. Вызывает сомнение и следующее положение автора: «В конце XIX в., — пишет М. М. Ихилев, — намечались сдвиги в развитии животноводства... В сельском хозяйстве появляются серпы и косы» (стр. 279). Возникает вопрос, при помощи каких же орудий в таком случае в более ранний период истории убирали хновцы зерновые, косили траву? Можно предположить, что косы действительно появились не раньше XIX в., что же касается серпов, то их быто-

² См.: «Сов. этнография», 1953, № 4.

вание на территории Дагестана следует связывать с более ранними периодами. Уже в памятниках, датируемых II тысячелетием до н. э. (Каякентское поселение)³, были найдены кремневые вкладыши для серпа. Правда, эти памятники обнаружены в плоскостной части Дагестана, но если принять во внимание, что археологами установлена однотипность культуры древних жителей плоскости и гор (кайкентско-хороховская культура), остается предположить наличие кремневых серпов и у предков хновцев. О распространении же у горцев Дагестана серпов в более поздний период свидетельствуют материалы ряда раскопок советских археологов⁴.

В статье М. М. Ихилова нечетко проведены параллели с культурой лезгин и рутульцев (хновцы являются частью последних) (стр. 281, 282, 284). Некоторые обряды, приписываемые только хновцам (напр., обычай провода невесты в дом жениха с зажженной лампой), как известно, существуют и у других рутульцев, а также у лезгин. Во многих местах автор упоминает, что хновцы имеют отличительные черты в культуре и быту, но в чем эти черты выражаются, для читателя остается неясным. На стр. 281, описывая одежду хновцев, М. М. Ихилова заявляет, что она «мало чем отличается от общерутульской и лезгинской». Далее следует перечисление составных элементов комплекса мужской и женской одежды. То же самое можно сказать и о жилище (стр. 280). В типах домов и планировке селения автор прослеживает главным образом черты, общие с остальными рутульцами, забывая о другой задаче своего исследования — выявлении специфики в материальной культуре, в частности в жилище, хновцев.

Трудно согласиться с не аргументированным положением автора о том, что одноэтажный дом с верандой заимствован хновцами из Азербайджана. Хорошо известно, что подобные дома встречаются у многих народов Дагестана — аварцев, кумыков, лезгин и др. Вряд ли их возникновение следует связывать только с азербайджанским влиянием.

Нельзя не упрекнуть издательство за обилие опечаток и неряшливость издания. Например, в статье М. М. Ихилова арабский халифат датируется «XII—X вв.» (вместо VII—X вв.); исторический период, когда хновцы находились в политическом и экономической зависимости от рутульских беков, определяется XVI—XII вв. (вместо XVI—XVII вв.). Статья П. М. Дебирова «О художественных образах в народно-декоративном искусстве аварцев» в оглавлении значится под другим названием, а именно: «Резные камни в народно-декоративном искусстве аварцев». В статье Р. Г. Маршаева перепутаны даты: вместо 1396 г. значится год 1936 (стр. 171).⁵ О недостаточной тщательном редактировании свидетельствуют, например, следующие фразы: «Овцы давали населению молоко, мясо, сыр, масло, овчину, шерсть. Последние использовались на изготовление одежды и ковров» (стр. 279) или «Основной хозяйственной единицей у хновцев... составляла малая семья» (стр. 282).

Эти недочеты особенно досадны, потому что рецензируемый том «Ученых записок» является вкладом в историческую науку, дает представление о большой работе, проводимой в институте, и, несомненно, вызовет интерес у специалистов различных отраслей знаний.

Г. Сергеева

С. Ш. Гаджиева. *Материальная культура кумыков XIX—XX вв.* Махачкала, 1960, 169 стр.

За последние годы усилиями советских этнографов создан ряд работ по этнографии Дагестана, позволяющих более глубоко и всесторонне изучить богатейшую материальную и духовную культуру этой многонациональной и многоязычной «Страны гор».

В предисловии к вышедшему в 1955 г. научно-популярному сборнику «Народы Дагестана» говорится о предстоящем выпуске специальных исследований по отдельным народностям Дагестана. Одним из таких исследований и является работа С. Ш. Гаджиевой «Материальная культура кумыков XIX—XX вв.» — работа очень нужная, так как сведения о кумыках в литературе скудны.

В книге С. Ш. Гаджиевой широко использованы документальные материалы Центрального государственного архива Дагестанской АССР, Центрального государственного военно-исторического архива, фонды местных музеев, произведения дореволюционных и советских авторов, периодическая печать, рассказы и воспоминания старожилов. Но основным источником автор справедливо называет «самые предметы материальной культуры: орудия производства, жилища и иные постройки, одежду, посуду, утварь и т. д.», сохранившиеся до наших дней.

Книга содержит большой полевой материал, чему немало способствовало знание автором языка, быта и обычаев кумыков. В ней последовательно освещаются основные элементы материальной культуры, что видно уже из названия глав: 1. Поселение; 2. Жи-

³ См.: А. П. Круглов, Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетия до н. э., «Краткие сообщения ИИМК», XIII, 1946, стр. 131.

⁴ Неопубликованные материалы Д. М. Атаева (Бежитинская экспедиция Института истории языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, 1959).